

A museum display featuring a Soviet T-34 tank and a German anti-tank gun. The tank is positioned on a raised platform, and the anti-tank gun is in the foreground. The scene is dimly lit, with spotlights highlighting the vehicles. The number '20' is visible on the side of the tank. A sign with the word 'Проход' (Pass) is attached to the anti-tank gun.

И вечный бой

Игнатий Белозерцев

Игнатий Белозерцев

И вечный бой

«Автор»

2024

Белозерцев И. А.

И вечный бой / И. А. Белозерцев — «Автор», 2024

Распад великого государства, уничтожение его экономики, ослабление Вооружённых Сил отзывались болью в сердцах его граждан и защитников. Трагические последствия этих процессов были с самого начала очевидны всем. кому не изменила историческая память, кого волновала судьба Родины. В сборнике представлены стихотворения написанные автором - офицером Военно-Морского Флота, в тот период и в наши дни, Многие из этих строк пропитаны болью и гневом. Но есть в них и надежда, и твёрдая уверенность в непобедимой силе русского воинства, в светлом будущем Отечества.

© Белозерцев И. А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Победители	6
Коля, Коля, ты отколя?	7
Долина смерти – Долина славы!	8
Моему поколению	9
Как трудно быть трезвым время чумы	10
В шинели черной	11
Западной Лицей нельзя не гордиться	12
Медвежий там, Чаячий, Витте	13
Сдаёт Россия города	14
У боевого командира	15
Могильщик	16
Послушайте, все это было!	17
Когда в отсеки хлынула вода	18
Победившие смерть	19
Тогда погиб из всех один	20
Попирающим металл	21
Реквием экипажу	23
Как Оля Диме	24
Возьмите меня в автономку	25
Хозяева глубин	26
Нарком Кузнецов	27
Честь по-вологодски	28
На паперти	29
Забытый часовой	30
Завет	31
Постоим же за Россию!	32
Дума	33
Все таланты проданы	34
Модернизация	35
Виртуальные девочки	36
Возрождение...	37
Мы все покинем...	38
Пора на юг	39
Туда, где пальмы	40
Друзья мои, стихи, спасибо, что случились	41
Я всё ещё живу в восьмидесятых	42
Меч Александра	43
Маршал Победы	44
На ленточках золото	45
Смотр	47
Взгляд подросших сыновей	48
За не сбежавших с кораблей	49
Обречена Россия быть Великой	50
За боль Донбасса	51
Страшна украинская ночь	52
"Небратьям"	53

И закипает гнев	54
Идёт смертельный бой	55
Я выхожу из гиблой полосы	57

Игнатий Белозерцев

И вечный бой

Победители

Это – время отражается на лицах.
Это – в лицах отражается страна.
Не устанем восхищаться и гордиться
Поколением, чья молодость – война.
Как один они красивы и серьёзны -
В гимнастёрчках, пилотках, орденах...
В лицах от сражений отсвет грозных,
Но в глазах у них уверенность – не страх.
Поколение революцией рождённых,
И на труд готовых, и на бой,
Гордых, смелых, одухотворённых,
К равенству и братству устремлённых,
Любящих, любимых, окрылённых...
Поколение с трагической судьбой.
Разворачивай, Бессмертный Полк, колонны!
Время лица превращает в лик.
И проносим мы портреты, как иконы.
Все в строю, никто не ранен, не погиб!

Коля, Коля, ты отколя?

Коля Гарин, Коля Ладин, Коля Енин,
Дядя Коля, тёти Нюры Николай,
Коля Настин, Коля Аннин, Коля Ленин...
А вокруг села лесной Никольский край...
Земляки, учителя мои, соседи.
С ними я послевоенный рос.
Весь наш класс – солдат Победы дети,
Лён стелил, ходил на сенокос...
Я теперь в деревню редким гостем
Загляну, поправлю палисад...
Все мои родные на погосте
Под крестами русскими лежат.
По творилам, по оградкам, плитам
Пробираюсь до святых могил.
Всё-таки небесный покровитель
Николаев больше сохранил.
Выпало им бить фашистских гадов,
За себя и за другого парня жить...
Чтоб похоронили с ними рядом,
Это ещё надо заслужить.
Коля Осин, Коля Машкин, Коля Петин,
Танин Коля, Александры Николай,
Коля Стёпкин, Коля Катин, Коля Светин...
И вокруг родной Никольский край.

Долина смерти – Долина славы!

Долина Смерти – Долина Славы —
Неразделимые имена.
Четыре года здесь бой кровавый
Вела с врагами моя страна.
Здесь эхо гулкое хохотало.
Вода кровавым текла вином.
Хрипела ярость, любовь пылала
В жестокой битве Добра со Злом.
Долина Смерти – Долина Славы
Здесь расколола земную твердь:
Во веки слава – где берег правый,
А берег левый – позор и смерть.
Не позабудем же пир кровавый!
Жива Россия, зовём пока
Долину Смерти – Долиной Славы!
Берёзки, памятник, облака...

Моему поколению

За что любить нас нашим молодым?
Как мы отцов-фронтовиков любили.
За то, что мы Россию развалили!?
Ни армию, ни флот не сохранили!?
Развеяли величие, как дым!?
Мы – сыновья, предавшие отцов,
Солдаты, позабывшие присягу.
Вперёд ни шагу, и назад ни шагу.
Глупцы и трусы, племя подлецов.
На кладбище, смятением объят,
Завидую отцовскому покою.
Нас даже там, за гробовой доскою,
Потомки за измену не простят!
Простите за обидные слова.
Мы больше не играем в эти игры.
Уже стоит на старте «Булава».
И по нацистам точно бьют «Калибры».
Есть те, кто сберегли потенциал.
Наш мастер для потомков неподсуден.
И гиперзвук для армии он дал.
И кое-что, что разглашать не будем.
И мужества бойцам не занимать.
И память о героях не забыта.
Не наша ли у молодёжи стать!?
Не мы ли их готовили для битвы!?
Ещё не все завершены пути,
И наш Парад Победы впереди.
И снова поднят над бронёй атак
С серпом и молотом красный флаг.

Как трудно быть трезвым время чумы

Как трудно быть трезвым во время чумы,
Свидетелем быть грабежей и войны.
И беженцев слышать голодный укор,
И видеть, как танки стреляют в упор
В столице с моста по советским палатам,
По нашим законным, живым депутатам.
Как можно быть трезвым и верить тому,
Что русского флота не будет в Крыму?
И в то, что на ваучер "Волгу" дадут?
И в то, что министры у нас не крадут?
Иль знать, что получку не платят годами,
А нищий народ стали звать господами.
А как не краснеть от стыда до ушей,
Когда из Прибалтики гонят взашей?
Как трезвому знать, что отец свою дочь
За доллар уступит любому на ночь?
Как видеть, что мастер мозолей стыдится?
Когда "голубой" стал уродством гордиться?
Ну, как же не взвыть, осознав эту жуть?
О, кто б догадался меня ущипнуть?!
Опасно быть трезвым во время чумы,
Свидетелем быть грабежей и войны.
– Так выпей, скорей, и беда – не беда.
– Спасибо, я с вами не пью господа.
Не нужен билет мне на "фабрику грез",
Хоть корчусь от боли у русских берез.
Надеждой живу, что зарок не напрасен,
Ведь каждый, кто трезв, для подонков опасен.

В шинели черной

В море синем, летом знойным
Я нырял у крымских скал.
По ошибке кто-то черным
Море это обозвал.
Он не знал, конечно, грешный,
Беспросветный наш удел,
Заполярный климат здешний,
Черной краски беспредел.
Глянь, стою в шинели черной.
Черной стаей замер строй.
Люк подводной лодки черной
Черной втянет нас дырой.
Погрузились в космос черный
И летим средь звезд и льдин.
Астероидом безмолвным
Черным вынырнет Кильдин.
Крест над Западною Лицей,
Тень знакомая на дне
У Медвежьего приснится
Черной меткой в страшном сне.

Западной Лицей нельзя не гордиться

Западной Лицей нельзя не гордиться –
Город подводников, тундры столица.
И рифмовалось – Россия гордиться.
И рифмовалось – на Полюс стремиться.
И рифмовалось – врагу не пробиться.
Твёрдо стоит на полярных границах
Гордая Лица, могучая Лица!
Что же с тобою могло приключиться?
Как же ты вдруг так могла измениться,
Добрая Лица, красавица Лица?
Стала для многих ты вдруг «заграница».
Окна домов зазияли бойницей.
Рушиться что-то и что-то дымиться.
Мастер подводник торгует водицей.
Нынче рифмую – замёрзнуть боится.
Нынче рифмую – России не спиться.
Нынче рифмуется – что-то случиться
С атомной Лицей, с прославленной Лицей.
С чем же сравнить тебя, милая Лица,
Город подводников, город – столица?
Славе твоей суждено ль возродиться?
Флота могила, большая гробница?
Нет, не поверю, сравню тебя с птицей,
С раненой птицей, гордая Лица!

Медвежий там, Чаячий, Витте

Медвежий там, Чаячий, Витте
Во мраке лежат острова.
Гремиха забыта, забита,
Как дом, где семья умерла.
Теперь от ветров, от морозов,
Уж как в Островной не вертись,
Святым не прикроешься Носом.
И он удрученно повис.
Гранитный, Териберка, Ура
И Ара, и Сайда-губа...
Крест-накрест. Свирепо и споро.
И Лицу ждет та же судьба?!
Все меньше ухоженных зданий.
Все больше зияет глазниц.
Все меньше улыбок, гуляний.
Все больше нахмуренных лиц.
И тают надежда и вера.
И оторопь душу берет.
Помором освоенный берег
Россия ветрам отдает.

Сдаёт Россия города

Корабль – частица государства.
В нём всё, как в капле – океан.
И возрождение дворянства,
И разорение крестьян.
В нём достижения науки,
Образования итог.
Работников умелых руки.
Поэтов вдохновенный слог.
А если в капельке нуклиды
Работу подлую ведут?
А если распри и обиды
И на подлудке достают?
Беда одной частицы малой –
Народа общая беда.
Не "Курск" теряют адмиралы,
Сдаёт Россия города.

У боевого командира

У боевого командира
Жена, три дочери и кот,
С балконом на залив квартира.
На службу ждет подводный флот.
Полгода не было зарплаты.
На экипаже некомплект.
Семья голодная в заплатах.
Ржавеет ядерный объект.
Не разгадать головоломки.
Гудят натружено мозги.
Россию жадные подонки,
Как шкуру, делят на куски.
Повсюду правят негодяи.
Жирует нечисть у Кремля.
Орла-урода воссоздали,
Но гибнет русская земля.
Гордишься возрожденным храмом,
Столица!? Иль ослепла ты —
Над золотыми куполами
Видны могильные кресты.

Могильщик

Заступник флота – адмирал,
Стоял в высоком кабинете
Он за морскую мощь в ответе.
Не страшен с ним девятый вал.
В окне – привычные картины,
Его судьба – подводный флот,
У субмарин лоснятся спины,
Через залив буксир идет.
Он выступал за сокращенье,
Он добивался перемен,
Подводной службы улучшения...
Душа не выдала измен.
Флот, погибая, не сдавался.
На дно под флагом гордым шли.
Матрос слезами обливался,
Свои взрывая корабли.
Но, как недужную скотину,
Сегодня губим крейсера.
"За ноздри" и – под "гильотину",
Как будто войн прошла пора...
В который раз в двадцатом веке!
Опять все снова начинать!?
И вот сломалось в человеке —
Теперь его не удержать...
Цусима! Флота больше нет!
И, все предвидя в полной мере,
Он вынимает пистолет
И ставит точку на карьере.
"Могильщик" флота – адмирал
Упал в высоком кабинете.
Свистит над бухтой злобный ветер,
И рушит все девятый вал.

Послушайте, все это было!

Послушайте! Все это было!
Бабы заголосили
И мужики России
Телами гати мостили,
В штыки на танки ходили,
От злобы и боли выли,
Прикладом броню "гвоздили".
Не верьте в умильный Запад.
От Запада – трупный запах.
И Мессершмитт и Крупп
По-прежнему – жадный спрут.
За горло держат весь мир.
Лишь сила для них кумир.
В двадцатом веке "мессия",
Любящий блеск и шик,
Дважды вогнал в Россию
Хваленый германский штык.
Послушайте! Все это было!
И все повторится опять,
Как только поймут, что в России
Нечем больше стрелять.
Во имя женщин России
Ракеты ее спасите!
Во имя детей России
Танки ее спасите!
Для мужиков России
Подводные лодки спасите!
Во имя святой Руси
Силу ее спаси!
Надежду её и оплот —
Армию нашу и флот.

Когда в отсеки хлынула вода

Памяти подводников

с атомной подводной лодки К-159

Когда из трещин хлынула вода,
Немедля мы задраили отсеки,
Но трос не вынес корабля-калеки,
И мы остались в море навсегда.
На "острове" погибших кораблей –
В прославленной и брошенной Гремие
Давно за нами увязалось лихо,
Пугая видом тлена и смертей.
Кого винить!? Запомните одно –
Мы были молодыми и живыми!
Бойцами! Не котятками слепыми,
На боевых постах ушли на дно.
Мы знали, что в реакторах уран.
А он не должен вырваться наружу!
И мы за вас отдали Богу душу,
Спасая Ледовитый океан.
Когда в отсеки хлынула вода,
Всё на пути сминая и калеча,
Под страшный груз подставили мы плечи,
Чтоб к вам на берег не пришла беда.
Отсек – редут и огневой рубеж,
Бородино и поле Куликово.
Мы до конца своё сдержали слово,
Не отступив и не предав надежд.

Победившие смерть

Памяти экипажа

подводной лодки "Комсомолец"

Поминальным крестом над судьбою моей
Монумент вознесён у полярных морей.
По гранитной плите, пофамильно, подряд
Вспоминаю друзей нестареющих взгляд:
Девятнадцать в гробах проводили домой,
Двадцать три океанской накрыты волной.
И седьмого апреля в трагический час
Завывают гудки в гарнизоне у нас.
Отсвистели метели, капли стучат
Не для тех, кто бронзе звенящей распят.
Безутешен отец, понимал бы – в войну...
Со слезами цветы – на волну, в глубину.
Равнодушно волна принимает венки,
Ледяна вода и ветра не легки...
Лишь на гребне волны смельчаков узнают –
Победим, доживём, о Варяге поют...
На посту, на плоту, до последних минут,
У беды на краю не сдаются – поют!
Голоси же сирена! Раздайся салют!
Победившие смерть, никогда не умрут:
И в делах, и в мечтах сыновей и друзей,
И в груди материнской России моей.

Тогда погиб из всех один

Светлой памяти моряка-подводника

Леонида Рябинина

Тогда из всех погиб один —
Матрос на вахте у турбин.
Когда в отсек ворвался пар,
Он принял на себя удар.
Без лишних слов он юркнул в трюм,
И прекратился адский шум.
Он паропровод перекрыл
И смерти бал остановил.
Вот эти несколько секунд.
Прыжком в бессмертье назовут.
Подлюдка бережно всплыла.
Команда парня подняла.
Он был – один сплошной ожог,
Но победил! Но спас! Но смог!
Не пожалел он кожи всей
Для Родины и для друзей.
Матросский подвиг не забыт —
Как символ мужества звучит —
Матрос Рябинин Леонид!
В сердцах – Рябинин Леонид!
В веках – Рябинин Леонид!
А в Шарье рябина красная
Под родительским окном
В хмурый день и в утро ясное
Всё печалится о нём.

Попирающим металл

Будь проклят, атлантический циклон!
Не повезло и в августе с погодой.
То солнца нет на небе по полгода.
То ветра оглушительного стон.
Будь проклята, изношенность торпед
И сотое продление ресурса
У батареи и приборов курса.
Ведь новых нет и денег тоже нет.
Помилуй, Ледовитый океан!
Знакомы мне и впадины, и льдины.
Сегодня погружаешься в глубины,
Как будто бы садишься на вулкан.
Когда рванёт, не знаю, но рванёт.
Где тонко, как известно, там и рвётся.
Рискую, но, надеюсь, обойдётся.
А если что – до свадьбы заживёт.
Так про себя молился командир,
Словами успокаивая душу.
Ещё покрепче, солонее, гуще
Про весь подлунный и подводный мир.
Подводник – назначение его,
И здесь себя он чувствовал свободно.
За пять минут на крейсере подводном
Беды не предвещал ничего.
«Противник» слышен, но по курсу мель.
А потому затишье перед боем.
Он вскроет охраненье круговое
И поразит назначенную цель.
Он как мальчишка субмариной горд.
Такая мощь Жуль Верну и не снилась.
Бледнеет перед нею "Наутилус"
Доступны нам и тропики, и Норд.
Ещё "горит" в реакторах уран.
Ещё в строю ракеты и торпеды.
Ещё мы помним аромат Победы.
Ещё под силу русским океан.
Но – грянул гром. Рванул боезапас.
В корме ещё надеялись живые.
Всё глуше, глуше, глуше позывные...
Нет, не успел к ребятам водолаз.
И вот корабль затягивает ил.
Потом его поднимут, но без носа.
И мучают проклятые вопросы.
И душу рвёт отчаянье тротил.
Но в оправданье и смертей и мук
Нам катастрофой явленное чудо —

В записочке, полученной оттуда
Любви, Надежды, Веры чистый звук!
Страна ещё воздвигнет пьедестал
Душе непокорённой субмарины —
Прекрасной женщине в объятиях мужчины,
Бесстрашно попирающей металл!

Реквием экипажу

Спите, родимые братья.
Прерван намеченный курс.
Держит пучина в объятьях
Смертною хваткою "Курск".
Милых друзей силуэты
Вот уже в небе плывут,
В рамках желтеют портреты,
Мамы стареют и ждут.
Грозная тень субмарины
Мрачной легендой скользит
Там, где полярные льдины,
Там, где холодный гранит.
Спите, родимые братья.
В вечность уходит ваш след.
Множит Россия распятыя
Смутных, безжалостных лет.

Как Оля Диме

За эту грань живым дороги нет.
Песком и илом там забиты глотки.
За комингсом у гибнущей подлюдки
Кончаются и тот, и этот свет.
Когда вода корёжила металл,
И ужас заполнял людские души,
Он не дрожал – боролся, верил, слушал,
А под конец любимой написал:
«Родная, здесь беда, но я борюсь.
Отсек оглох от жуткой канонады.
Прошу тебя не унывай, не надо,
На случай если все же не вернусь».
Он победил и мрак, и боль, и страх,
Он бездне и не думал покоряться.
Таких вот силы темные боятся.
Вот так за веру гибнут на кострах.
И мне для счастья нужно лишь одно,
Но это уж, как вдох необходимо:

Возьмите меня в автономку

Из мягких постелей и плюшевых кресел,
От ласковых жен и уютных квартир
Сбежим, как из плена, по долам и весям —
Отдайте приказ, боевой командир!
Пусть грозное море над рубкой сомкнется.
И люк "опечатает" суетный мир.
Пусть юности песня в душе отзовется —
Отдайте приказ, боевой командир!
Ведь я на подлюдке не с бухты-барахты.
Мой старый бушлатик изношен до дыр.
Вы только доверьте – я выстою вахты.
Отдайте приказ, боевой командир!
Здесь сердце на месте, и нервы в порядке.
И нас не пугает тревожный эфир.
А как у акустиков плачут касатки...
Отдайте приказ, боевой командир!
Закатим с приходом раздольно и громко
В родном гарнизоне мы сказочный пир.
Возьмите, возьмите меня в автономку!
Отдайте приказ, боевой командир!

Хозяева глубин

*Ветеранам 33 дивизии атомных
подводных лодок Северного флота*
Мы сделали хорошую работу.
Всё получилось, всё сбылось, но тех,
Замысливших в Москве перевороты,
Уже совсем не радовал успех.
Не нужен он иудам и сегодня.
Им не нужна великая страна.
Уткнись в корыто, жуй и будь свободен.
А то заладил: космос, глубина...
Мы – не торгуем верностью и верой!
В легендах и преданьях всплывёт
И будет в поколениях примером
Наш доблестно исполненный поход.
Пять субмарин из лучшей в мире стали
Двух океанов вскрыли глубину...
Да, лишь теперь мы с грустью осознали –
Какую потеряли мы страну!
Но, слава вам: Смелков, Муратов, Клюев,
Попков и Аликов – хозяева глубин!
Узнай, народ, подводников-героев,
И памятник поставь на всех один.
Победы памятник! Чтоб вся планета знала,
Что русские умеют побеждать!
Довольно нам разрухой и развалом
Пугать людей и предков дух смущать.
Победы памятник! Ростральную колонну
С ошмётками от ПЛАРБов и от ПЛАРК,
Поверженных в дуэлях и погонях,
С их планами несбывшихся атак.
Пусть вспомнит мир при имени Шевченко
Великого не только kobзаря
Но и подводника от Бога —
Человека, водившего дивизию в моря.

Нарком Кузнецов

В заснеженных сопок скупом интерьере
На рейде стоит "Адмирал Кузнецов".
Призывом отважным сквозь годы и мели
Я дух потревожил любимца отцов.
– Товарищ Нарком, мы опять накануне.
В предчувствиях мрачных томится народ.
Ваш опыт бесценный, как водится, втуне.
А судьбы вершит подозрительный сброд.
Кровавые палцы на шее сомкнуты.
Стоят "томагавки" у сердца в упор.
А нам будут "петь" до последней минуты,
Что всюду друзья, и что есть договор...
Беда за бедой и в войсках, и на флоте.
Бессильны спасатели и доктора.
Отважные соколы гибнут в полёте.
И тонут у пирсов без бомб крейсера.
Закрыли повсюду Иванам дорогу.
Опять под бичом до Урала беги?!...
Товарищ Нарком, объявите тревогу,
Чтоб нас безоружных не смяли враги.
И вижу – звезда семафорит на рейде
(Давно рассекречен наркомовский код):
"Дошлите патроны, ракеты проверьте.
Сегодня секунды решают исход."
Шепни, любовь, шепни как Оля Диме,
Что будешь ждать, и – не удержит дно!

Честь по-вологодски

памяти

Адмирала флота Советского Союза

Н. Г. Кузнецова

Он не рычал, как лев, срывая спесь,
Не щёлкал каблуком в манере готской,
Но будет навсегда понятие честь
Звучать на диалекте вологодском.
Он, может быть впервые, сделал так —
Когда противник бил прямой наводкой,
Чтоб не с рогатиной Иваны "шли на танк",
А с самолётом и с подводной лодкой.
В начале битвы грозный русский дух —
Морской пилот ударил по Берлину,
Чтоб свет в окошке у врага потух,
Чтоб Гитлер ощутил свою кончину.
Ах, если бы не только Кузнецов
Не с подчинёнными – с врагами был неистов...
Ах, сколько оказалось подлецов!
Как много малодушных карьеристов!
Но есть ещё герои! Слава есть!
Взлелеяны землёй и службой флотской.
И будет навсегда понятие честь
Звучать на диалекте вологодском!

На паперти

Светлой памяти А. П. Попова

Во мне однажды лопнуло терпение.
Меня как флот сорвало с якорей.
И я шагнул в иное измерение,
Где нет земных законов и царей.
Пусть рожа, как чугун, сегодня грязная.
В лохмотьях я, но нет душевных мук.
Помойка не такая уж заразная.
Поверьте мне – поклоннику наук.
На самом дне, в убогом окружении
Я завершу свой по планете путь.
Но знаю: Бог, Он в нашем измерении –
Не кинуть, не убить, не обмануть!
На паперть босиком иду, как водится.
Приму плевки и деньги без обид.
И пропою о том, что Богородица
За Ирода молиться не велит.
С мечтой о счастье, мире, плодородии.
С толпой убогих, нищих и калек.
Россия, Русь – святая моя Родина,
Твой сын вползает в XXI век.

Забытый часовой

Мой отчий дом в деревне над рекой
Давно мне на звонки не отвечает,
С любовью у калитки не встречает,
Не крестит в след заботливой рукой.
Дом строил дед. Здесь была жизнь ключом.
Надёжны стены из стволов кондовых!
Таких домов теперь не сыщешь новых.
Ему ещё столетье нипочём.
Он терпеливо смотрит в даль и в стынь,
Как часовой, забытый разводящим
В краю, где нет нас больше в настоящем,
Где пыль забвения, да горькая полынь.
Лесную речку, да смолистый бор
Всё вспоминает богатырь былинный.
Всё ходят тени в комнатах пустынных.
И в столах ветра слышится укор.
А в садике у дома три сосны,
Давным-давно посаженные мною,
Всё шепчутся о счастье и покое,
И навевают золотые сны.

Завет

Довольно смут и распрей, россияне!
Не дрогнет стяг Московского кремля.
Наш общий дом мы обустроим сами.
Посевов добрых заждалась земля.
Довольно по селеньям рушить храмы
И памятники древние вождям.
И, да пребудет мудрость предков с нами!
И, да поможет возродиться нам!
Пусть счастье жить, богатство и свободу
В стране надёжно защитит закон.
И пусть над каждым, именем народа,
Господствует в России только он!
Свою страну от края и до края
Мы превратим в один цветущий сад.
Мы, никому мечом не угрожая,
Свои полки выводим на парад
Завет душа народа сохранила.
Ему сегодня гимнами греметь:
"Сплочённая Россия – это сила,
Которой никому не одолеть!"

Постоим же за Россию!

Нам не мечтать, друзья, о тишине —
Стреляют. На войне, как на войне!
Слова, как пули, фильмы, как фугас.
И только правда выручает нас.
Идёт война. Жестокая война!
В сетях паучьих корчится страна.
Эфир и пресса – тот же Сталинград.
Так постоим же за Россию, брат!
Прицельной ложью срежет наповал
В газете, перекупленной, подвал.
И подлецом состряпанный сюжет
Покажет всем чего в помине нет.
Сегодня мы в ответе за страну.
И потому – забудем тишину.
Пока бесчинствуют газеты и эфир,
Для нас, клянёмся, не наступит мир!
Мы победим паучий произвол.
Мы в гроб ему загоним крепкий кол.
Не устрашат ни пули, ни фугас,
Ведь солнце правды согревает нас!

Дума

Думу думает Дума умная.
О Россиюшке льётся речь.
Да Россиюшку Думе умной той
От лихой беды не сберечь.
Понадеялась мысль боярская,
Что заморский гость подсобит.
Да стущается тьма татарская.
Злое времечко в дверь стучит.
Понахлынули злые вороги
Дань великую собирать.
Жизни русские им не дороги.
Им на край святой наплевать.
Дочерей моих увели в полон.
На чужбинушке горьки слёзы льют.
Сыновья мои, позабыв про сон,
На грабителей горды спины гнут.
Стон кругом стоит, кружат вороны.
Губит силушку мор и глад.
Но на честный бой против врага
Слать дружинушку не хотят.
Где наш светлый князь –
Добрый батюшко?
От боярских Дум, что нам ждать?
Где отыщется вольно полюшко,
Чтобы горюшку битву дать?

Все таланты проданы

Все таланты проданы,
Все запасы пропиты,
Все дубравы выжжены,
Все поля не паханы...
Чем кормить-то будем мы
Малых наших детушек?
Как спастись будем мы
От мороза лютого?
Не пора ль опомнится
Нам в крещенской проруби?
Не пора ль покаяться,
Да про дело вспомнить нам?
Не про злато-серебро,
А про серп, да с молотом?!

Модернизация

Живые люди не нужны теперь.
Их заменяют умные машины.
Метлой шуршат по всей России шины,
Былое время выметая в дверь.
Летят к чертям старинные иконы,
Колхозы, избы, томики вождей...
Никто не слышит ни старушек стоны,
Ни поднебесный клёкот журавлей.
И немота, и глухота, как в танке...
Кричи, зови на помощь – ни души!
Лишь алкаши горланят спозаранку
Бессмертное творенье «Камыши».

Виртуальные девочки

"Виртуальные" девочки рвутся с карнизов:
Опостылела жизнь им в четырнадцать лет...
Обвиняю страну, торгашей, телевизор —
Разрушителей душ, предвозвестников бед.
Обвиняю тебя, звездочетик убогий.
Обвиняю тебя, хиромант-мракобес.
Вы детей наших сбили с широкой дороги.
Вы разбили о камни веселых невест.
"Марсианские" хроники льются с экранов.
Тут пойдя разберись-ка, где, правда, где ложь.
Убивает болото заморских дурманов.
Прямо в юность нацелен компьютерный нож.
В экологии душ островочек разрушен,
Где хранили мы Веру, Надежду, Любовь,
А без них этот мир и задаром не нужен,
Лучше вдребезги мозг, лучше выплеснуть кровь.
Предсказания ждёте кометы далёкой?
Нет знаменья ужасней чем этот каприз!
Как в Балашихе девочки, выпав из окон,
Вся Россия обманутой падает в низ!

Возрождение...

Полушутя, полусерьезно
Пишу стихи на склоне лет.
Лишь так писать и жить возможно:
Вопросы есть – ответов нет.
Вдруг стали истоиво молиться.
Целуем камни натошак,
Желая духом возродиться.
А нищим как? Голодным как?
Реформ убойных панорама
Уже видна в любом окне —
Горит на солнце купол храма
В полуразрушенной стране.
Сияют маковки собора.
Цветут узорные кресты.
Звучат торжественные хоры.
К причастью тянутся персты...
Какую паперть возродили!?
Да, в старину умели жить.
Ползи, убогая Россия,
К "царю" копеечку просить.

Мы все покинем...

Мы все покинем и леса, и пашни.
Таков у смертных на Земле удел.
Лишь одного я – без вести пропавшим
На злой войне остаться б не хотел.
Мне, за Россию павшему, наверно
Скостят грехи, и будет честь в раю.
Но я хотел бы, други, непременно
В победный день быть названным в строю.
Пусть знает сын, что в жирном чернозёме,
Который я убитый обниму,
Его отец, кореньев всяких кроме,
Живой травинкой тянется к нему.

Пора на юг

О, пальмы в Гагре! О, пляжи в Крыму!
Без боя, без боя мы сдали страну.
В плену у кого-то гора Аюдаг.
Не так все, ребята, не так все, не так!
Медведь Америку пугал,
Внушал и зависть, и тревогу.
И вот в дремучую берлогу
Коварный Запад нас загнал.
И нам – наследникам Петра,
И нам – Суворова потомкам.
Как исчезающим обломкам,
Остались только Севера.
Но, в дикой тундре вмерзшим в лед,
Им удержать ли исполина?!
Часам старинным ход дает
Опасно сжатая пружина.
России ведом сей недуг.
Тайга всегда нас выручала.
От заполярного причала,
За Северный Полярный круг
Нас новый ждет бросок на Юг.
Умерьте вопли и испуг —
Арабам – Нил, индус – на Ганге,
Негр черный где-то на Матанге,
А мне и в Вологду – на Юг.
О, пальмы в Гагре! Дунай голубой!
О, мама Одесса, возьми на покой.
Янтарные пляжи ласкает волна...
Другая, чужая, не наша страна.

Туда, где пальмы

Я вырваться хочу за круг проблем.
Туда, где лаской засияют очи,
Где негу дарят звезды южной ночи,
И телефон тревожный будет нем.
Мне б разорвать кольцо холодных скал,
Забыть минуты жизненных падений,
Замуровать причины сожалений
И не спускаться в памяти подвал.
Туда, где пальмы – на Канары, на Таити
Ты унеси меня, седой волшебник-джин.
Да только знаю, даже кущи эти
От всех проблем не защитят мужчин.
Пусть негу дарят купленный гарем
И золотой песок на берегу,
Но и тогда я весел быть смогу,
Лишь разорвав на горле круг проблем.

Друзья мои, стихи, спасибо, что случились

Друзья мои, стихи, спасибо, что случились,
Украсив жизнь мою в безрадостные дни.
И пусть не знают вас читатели России,
Я верю, что не век томиться вам в пыли.
На мусорном дворе какой-нибудь мальчишка,
Листая у костра редакционный хлам,
Прочтёт однажды стих о Полюсе, о мишках,
Помедлив жечь листы, и улыбнётся вам!
Других вам перспектив, увы, не обещаю.
Обложкой дорогой не вам украсить мир.
Но знаю я, что там, где жизнь идёт по краю —
В отсеке, под водой прочтёт вас командир.
Простите, ни продать, ни петь вас не умею.
Довольно и того, что разослал друзьям.
Идите дальше в жизнь дорогою своею:
На свет из глубины — не к полкам, а к сердцам.

Я всё ещё живу в восьмидесятых

Я всё ещё живу в восьмидесятых.
И до сих пор, признаться, не смирюсь
С делением на бедных и богатых,
Пою «несокрушимый» наш Союз.
Там корабли уходят в океаны,
И день получки, как икона, свят...
И было это, как это ни странно,
Не сто, не двести – 20 лет назад!
Там деньги ни чего почти не значат.
Там, как до звёзд, до пенсий и седин.
И обнимают шар земной, как мячик,
Маршруты наших грозных субмарин.
И рыночные рублики мусоля,
Я не устану славить времена,
Где каждый был поэтом и героем,
Когда звала Великая страна.

Меч Александра

Год тысяча двести сорок второй.
Над Русью разверзлась бездна.
Азия давит поганой ордой,
Европа «свиньей» железной.
Вот наковальня, где русский дух
Выкован был и заточен.
Тот век был к слезам и страданиям глух,
И наш подобрел не очень.
Быть или не быть – это русский вопрос.
Для всех и для каждого лично.
Ты – или раб, или гордый росс.
Всё остальное вторично.
На озере Чудском решалась судьба
Всего православного мира.
Во славе победной явила себя
Могучая русская сила.
То лед где-то тонок, то холод, то снег...
Беспамятен «гость» незванный!
Мир забывает из века в век
Про меч боевой Александра.
С тех пор, если Родина наша в огне,
И враг напирает дерзкий.
В гуще сражений на белом коне
Святой Александр Невский!

Маршал Победы

Я это слышал от солдат Победы,
Какими были мой отец и дед.
А те, кто каши фронтовой отведал –
Бесспорный для меня авторитет
Задолго до Победного Парада
Окопная, прокуренная рать
Приезду Жукова на фронт бывала рада
И стала Маршалом Победы его звать.
И боль утрат, и горечь поражений,
И славу оглушительных побед
Вобрал в себя его военный гений,
И равных гению тому в анналах нет!
Умолкните дней мирных моралисты!
Жестокий, мол, расстреливал, грубил...
А вот солдат в окопе в поле чистом,
Представь себе, его боготворил.
И будет славиться в веках Георгий Жуков!
Он защитил Москву, он сокрушил Берлин...
Он спас Россию для детей и внуков,
Товарищ маршал, а не господин!

На ленточках золото

На ленточках золото,
форменки белые,
Погончики с якорем,
бляхи горят...
По древнему городу
сильные, смелые
Под флагом морским
мы идём на парад.
Мне муза явилась
красавицей в Киеве.
О море стихи
на Днепре я писал.
Мы в классах и кубриках
бредили милями.
Нас ветер удачи
на шлюпках качал.
На крейсер могучий
матросом, не зрителем
Морские пути
открывать я шагнул.
Нас в Гавре героями
встретили жители.
Нам сказкой явились
Париж и Стамбул.
Краса побережий
плыла в пеленгаторе:
Ай-Петри, Босфор,
Аюдаг, Гибралтар ...
Мы лучших девчонок
любили и сватали,
Сердца и судьбу
предлагая им в дар.
Мы гроздь созвездий
ловили секстанами.
И был нам любой
океан по-плечу.
Мы были по жизни
наивными, пьяными,
Счастливыми были.
Прощаюсь. Молчу.

Теперь наша юность
по-новому видится-
Она как мечта,
как потерянный рай.
Уходим в легенду

под флагом училища.
"Прощанье славянки",
маэстро, играй.

Смотр

Для доблестных – всегда свежи ветра.
Все паруса наполнены как надо.
Несется к нам сквозь бури и года
Фрегат могучий, гордая "Паллада".
И пыль веков смахнув полой с ботфорт,
На мостике неукротимый гений
Судьей пристрастным начинает смотр
Флотов и дел новейших поколений.
Молчите о победах и героях.
Ему подай конечный результат.
Флот "на мели", ограблен, не достроен,
В убогой тундре нищетой зажат.
Смирясь с позорной кличкой оккупанта,
Уходит росс с исконных берегов,
Бросая в грязь плоды его таланта
И славу трех блистательных веков.
Россию ждет заря стрелецкой казни.
Кто воры? Где продажные стрельцы?
И палачам пред уготован праздник,
И многих ждут позорные концы...
Но взгляд от ярости на выкате теплеет.
В фиордах – "потаенные суда",
И каждое такую мощь имеет,
Что континенты сдвинет без труда.
Еще не сгинула Великая Россия
В безвременье бездарных перемен.
Готовят старт расчеты боевые
И не в чести любители измен.
Для доблестных – всегда попутный ветер.
Не оборвется поколений нить.
Народ услышит через три столетья
Его указ, как выстрел: "Флоту быть!"

Взгляд подросших сыновей

Как тяжело, и с каждым днем труднее
Глядеть в глаза и жен, и дочерей.
Но нет на свете ничего больнее,
Чем злой укор подросших сыновей.
Потерян Крым, гниют ракетноносцы,
"Варяг" за деньги на иголки сдан,
Но не спешат в объятья крестоносцы
На братский зов наивных россиян.
Забиты окна в Балтике и в Черном.
О, Петр Великий, слышишь ли, ответь?!
Доколе нам в бездействии позорном
Бесчинства разрушителей терпеть?
Стоят станки, сиротствует наука,
С Чечни идет войны девятый вал.
Прижми, жена, к груди покрепче внука.
Сын в Грозном до черты не добежал.
Мы все давно у судей на примете.
Мы обманули, предали детей.
Нет ничего позорнее на свете,
Чем прятаться за спины сыновей.
Ребята, я навеки не в запасе.
Я с вами, я на смертном рубеже.
Простите, слаб. Простите, бой опасен.
Но я поднялся, я бегу уже.
Россия знала времена ужасней.
Но, правда в том, что не было подлей.
И нет на свете ничего прекрасней,
Чем строгий взгляд подросших сыновей.

За не сбежавших с кораблей

Мой тост за тех, кто не сбежали
Как крысы по концам в порту,
И, если надо, закрывали
Собой пробоины в борту.
У них и штиль, и непогода,
И поражение, и успех,
И даже капля кислорода
Одна на всех. Одна на всех!
Они надежду в дни лихие
Из бед выносят на руках.
От века держится Россия
На настоящих мужиках.
За них – сегодня самых главных,
Бокалы до краев налей.
За самых верных, за бесславных,
За не сбежавших с кораблей!

Обречена Россия быть Великой

Россия поистратилась с боков,
Но всё ещё Великая Держава.
Историю, и путь её, и славу
Ещё не затянула пыль веков.
Легко, наверно, Швецию любить,
Швейцарию избрать себе примером.
Наладить для людей приличный быт,
Путёвки раздавать пенсионерам...
И не встречать ни в гонки, ни в бои.
Не покорять ни космос, ни глубины.
Считать спокойно денежки свои,
И делать только мирные машины...
Но, к сожалению, всё это не про нас.
Нам не бывать Европою пригожей.
Хоть даром им качай и нефть, и газ –
Не любит нас сосед – не вышли рожей...
Но мы ещё посмотрим – кто изгой.
Обречена Россия быть Великой,
Неукротимой, нестандартной, дикой!
По нраву нам простор и вечный бой!
Врагов, как прежде, не считаем мы.
Миллионы их, нас – тьмы, и тьмы, и тьмы...

За боль Донбасса

Мы каждой клеткой чувствовали боль
Расстрелянного русского Донбасса!
В нас восемь лет звучал вопрос «Доколь!?»
И наконец пронзила небо трасса
Ракет неотвратимых, словно месть,
Неуязвимых, безупречно точных,
Как Божий гнев, как радостная весть
Для Украины областей восточных.
Мы за собой такой оставим след...
Он будет в поколениях назиданьем,
От зверств нацизма – людям оберег,
За боль Донбасса – нашим оправданьем.

Страшна украинская ночь

Страшна украинская ночь!
Грохочут взрывы, свищут пули.
Бегут, спасаясь, люди прочь.
Нас снова лбами там столкнули..
–Но мы же братья! Не убий!
Убьёт! И в двадцать первом веке
Из адской бездны выполз Вий,
И нечисть поднимает веки.

"Небратьям"

Пока мы с вами только спорим-
Кто победит, куда пойдём...
Полгоря это, будет горе,
Когда мы убивать начнём.
Сносить мосты, дворцы и хаты.
Сжигать и рушить города.
Нам после этой страшной даты
Не породниться никогда!
Заполыхает вся Европа.
Исчезнет с карты Старый Мир.
Уже в подводной лодке стопор
Снимает с КНОПКИ командир.
Давно мечтой о добром мире
Донецк израненный живёт.
Сегодня девочку убили!
Молись, "небрат". Пошёл отсчет.

И закипает гнев

Какая боль!
Какая боль!
Не передать.
Опять над сыном
плачет мать.
Опять беда
стучит в дома
по всей стране.
И стар, и млад -
опять мы на войне!
И снова Сталинград?
И снова Ржев?
И льётся кровь.
И закипает гнев.
И всадник
с непокрытой головой
Играет
мегатонной булавой...
Всё жарче
разгорается огонь.
И ржот и бьёт копытом
бледный конь.

Идёт смертельный бой

Недолго мальчики
Играли в танчики.
Теперь доверены
Им рычаги.
Идёт смертельный бой
Без жизни запасной.
Не виртуальные
У нас враги.
По танкам пушки бьют.
И джавелины жгут.
И дрон по небу мчит
Не без причин.
И надо уцелеть.
И надо песню спеть
Достойную не мальчиков -
Мужчин!
А ну-ка – не зевай!
А ну-ка – заряжай!
А ну-ка – поточнее
Наводи!
В прицеле "леопард"
Идёт как на парад.
А ну-ка – бронебойным
Угости!
"Пантера", "маус", "тигр"
Герои детских игр.
Теперь в реале новый
Лютый зверь.
В крестах со всех сторон,
Но вот горит и он,
Как свечка, или спичка
Верь-не верь.
А ну-ка – не зевай!
А ну-ка – заряжай!
А ну-ка – поточнее
Наводи!
В прицеле "леопард"-
Воскрес фашистский гад.
А ну-ка – бронебойным
Закати!
Недавно мальчики
Играли в танчики
Теперь доверены им
Рычаги.
Идёт смертельный бой
Без жизни запасной.

Спаси их, Господи,
И помоги!

Я выхожу из гиблой полосы

Мне в море в Средиземном места нет.
Забила НАТО порты все и поры.
Бесчинствуют отъявленные воры,
А мы теряем базы столько лет...
Меняю курс – под "зонтик" батарей.
Сегодня мне Каддафи будет другом.
Я в прочном корпусе, и я не загнан в угол,
И должен быть смелее и хитрей.
Я выхожу из гиблой полосы.
Рвусь на простор, не для меня пределы.
Здесь за меня и впадины, и шхеры.
Я жизнь свою поставил на весы.
Чист горизонт. Локаторы молчат.
Теперь авианосец на прицеле.
Рассчитаны параметры до цели.
Осталось мне нажать на кнопку "Старт".
Эх, НАТО, не играла бы в пиратов.
Давно прошла весёлая пора.
Эскадру вашу я смахну ядрёным матом.
И не помогут вам ни шторм, ни доктора.